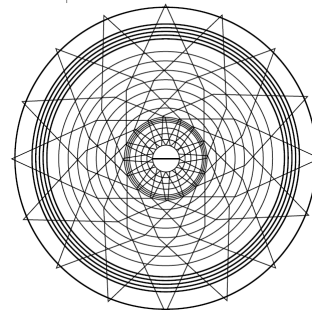

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

*Радикализация мигрантов и экстремистский потенциал
онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств
взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России*

РАДИКАЛИЗАЦИЯ МИГРАНТОВ И ЭКСТРЕМИСТСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОНЛАЙН-РЕСУРСОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕТЕВЫХ ПРОСТРАНСТВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН СНГ В РОССИИ

Трегубова Н.Д.

кандидат социологических наук, ассистент кафедры
сравнительной социологии Санкт-Петербургского
государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия)
n.tregubova@spbu.ru

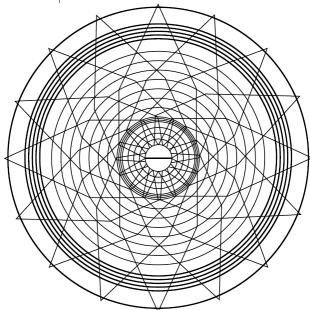
Иванова А.А.

аспирант программы «Социология» Санкт-
Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия)
anaspis100@gmail.com

Аннотация:

В статье рассматривается проблема радикализации мигрантов, прибывших в Россию из стран СНГ, в сети Интернет. Авторы формулируют два ключевых вопроса, стоящие перед исследователями радикализма и экстремизма в онлайн-среде: к каким типам радикализации пользователи оказываются наиболее чувствительны и каким образом возможно фиксировать проявления радикализма в интернете. В статье предпринимается попытка ответить на эти вопросы на материалах анализа сайтов по миграционной тематике. Эмпирической базой исследования выступает корпус онлайн-ресурсов с радикальной риторикой (группы, публичные аккаунты в социальных сетях и др.), который был сформирован в ходе более широкого исследовательского проекта, направленного на систематический анализ онлайн-активностей мигрантов из Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана в Россию. В работе обосновывается возможность соединения исследовательских техник дискурс-анализа и сетевого анализа онлайн-ресурсов. Авторы рассматривают сходства и различия между радикальными дискурсами, в которые вовлекаются мигранты. Особое внимание уделяется азербайджанским сайтам, на которых подобные дискурсы оказываются представлены наиболее обширно и разнообразно.

По результатам исследования формулируются следующие выводы. Во-первых, радикальный дискурс на проанализированных онлайн-ресурсах подразделяется на три типа: национализм, региональный сепаратизм и религиозный радикализм. Во-вторых, соотношение между разными типами дискурса различается в зависимости от региона. В случае Азербайджана сайты с радикальной риторикой, как правило, сочетают разные дискурсы; центральноазиатские сайты, напротив, обычно содержат один из типов дискурса. В-третьих, материалы проанализированных онлайн-ресурсов

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

Радикализация мигрантов и экстремистский

Потенциал онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России

сосредоточены на проблематике стран исхода или на глобальной исламской повестке и практически не тематизируют миграцию в Россию. Однако Россия иногда обсуждается как страна, оказывающая негативное влияние на процессы в стране исхода. В заключении авторы обсуждают ограничения проведенного исследования и направления дальнейшего развития исследований радикализма в онлайн-среде.

Ключевые слова: миграция, радикализация, социальные сети, Центральная Азия, Азербайджан

Постановка проблемы

Сегодня Россия — одна из крупнейших стран-реципиентов для международных мигрантов (United Nations..., 2017). Исследования миграции обычно считаются «полем» относительно трудным для вхождения. Это связано с языковыми барьерами, недоверием потенциальных информантов, трудностями в определении генеральной совокупности и некоторыми другими проблемами. Поэтому не удивительно, что интернет становится все более популярным источником данных о миграционных процессах в России: и в виде онлайн-опросов (Варшавер и др., 2019), и как самостоятельный источник данных (Тимошкин, 2019). Это тем более актуально, что сами мигранты активно используют интернет в повседневной жизни (Ruget, Usmanalieva, 2019; Urinboyev, 2017).

Исследовательский проект, результаты которого представлены в настоящей статье, — один из первых в России, направленных на систематический анализ онлайн-активностей мигрантов из стран СНГ. В рамках проекта исследовательский коллектив анализировал веб-сайты, связанные с миграцией в Россию из пяти стран: Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

Выбор именно этих стран был связан, прежде всего, с объемом миграционных потоков. Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан входят в число семи стран, из которых в Россию приезжает наибольшее число мигрантов (две другие — это Китай и Украина)¹. Кроме того, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан объединяет то, что это страны с преобладающим мусульманским населением.

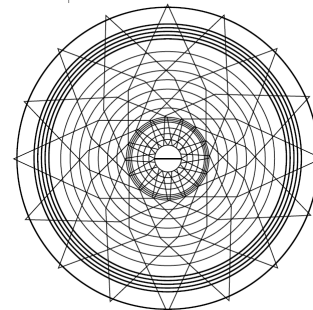
Одним из вопросов, которые мы рассматривали в рамках проекта, стал вопрос о радикализации мигрантов в сети Интернет. Мигранты, прибывающие в Россию, зачастую находятся в уязвимом положении и сталкиваются с затруднениями в поисках работы, жилья, во взаимодействии с работодателями, органами власти, местным населением (Резаев, Лисицын, Степанов, 2014; Reeves, 2019). Одним из вариантов реакции на подобные затруднения может стать уход в радикальные движения, который происходит в России или на родине уже после возвращения (Лисицын, 2018).

¹ По данным МВД РФ, в 2019 году в Россию въехало более 19,5 млн иностранных граждан. Более 4,8 миллиона из них приехали из Узбекистана, около 2,8 миллиона — из Таджикистана, более миллиона — из Кыргызстана, около 700 тысяч — из Казахстана и из Азербайджана соответственно. Цели миграции, как их указывают сами въезжающие, частично сходны, частично различаются. Граждане Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана являются, преимущественно, трудовыми мигрантами, тогда как для граждан Азербайджана и Казахстана работа является лишь одной из основных целей миграции (МВД РФ, 2020).

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

*Радикализация мигрантов и экстремистский потенциал
онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств
взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России*

Проблема радикализации является настолько же серьезной, насколько трудной для изучения. Анализ интернет-источников предоставляет одну из немногих возможностей сбора данных по данной тематике. Исследования экстремизма и радикализма онлайн — активно развивающаяся область, в рамках которой одна из основных задач связана со сравнительным анализом радикальных идеологий, групп, стран, языков и онлайн-платформ (Сопвай, 2017). Однако на настоящий момент не существует ни одного исследования радикализма онлайн в России, которое бы задействовало широкую сравнительную перспективу в отношении стран, языков или идеологий. Данное исследование стремится восполнить этот пробел.

Подходя к рассмотрению проблемы радикализации, мы ориентировались на два ключевых вопроса:

- 1) К каким типам радикализации мигранты оказываются наиболее чувствительны?
- 2) Каким образом возможно фиксировать проявления радикализма в интернете?

Дальнейшее изложение организовано следующим образом. Первая часть статьи начинается с обзора релевантной научной литературы, после чего мы представляем теоретико-методологические основания собственного исследования. Затем следует обоснование гипотез и методики исследования. Во второй части статьи содержится изложение и обсуждение результатов, а также неизбежных ограничений.

Обзор специальной литературы

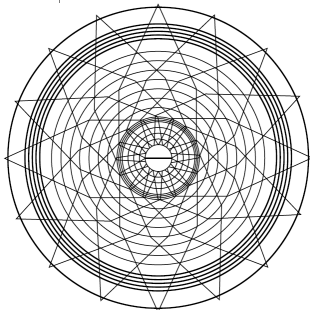
Исследование, представленное в настоящей статье, находится на пересечении двух областей — анализа радикализма и экстремизма и исследования онлайн-активностей мигрантов.

В профессиональной литературе существует несколько направлений исследования радикализма и экстремизма. Эмпирические исследования могут быть сгруппированы по тому, какую методологию выбирают авторы — качественную или количественную.

Качественным анализом экстремизма занимаются в основном лингвисты, психологи и социологи. Качественные исследования обычно рассматривают отдельные кейсы потенциально экстремистских высказываний (например, случаи из материалов судебных экспертиз), а также обсуждают проблемы оценки потенциально экстремистских высказываний и трудности перевода (Червякова, 2016; Борисова и др., 2018). В значительной части работ отмечается, что среди экстремистов существует избегание прямых призывов, используются косвенные речевые формы (например, Мишланов, 2012). В таких случаях для определения экстремистских высказываний рекомендуют использовать дискурс-анализ (Бастриков и др., 2017).

Количественные исследования представлены примерами сетевого анализа (Petrovskiy, Chikunov, 2019), автоматического и полуавтоматического анализа корпусов текстов (Litvinova et al., 2019; Девяткин и др., 2014), использованием методов машинного обучения (Mashechkin et al., 2019; Devyatkin et al., 2019). Количественный анализ текстов сейчас движется в направлении развития программного обеспечения для исследования больших массивов данных, возникающих в онлайн-среде. При этом важной задачей становится формализация показателей экстремизма и радикализма.

В исследованиях экстремизма на русском языке популярными оказываются материалы КавказЧата и реже иных источников, которые уже были признаны экстремистскими. К материалам КавказЧата обращаются, например, в исследовании

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

Радикализация мигрантов и экстремистский

Потенциал онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России

обсуждений взрывов в московском метро в 2010 (Litvinova et al., 2019), а также в исследовании, где предлагается метод выявления радикальных пользователей (radical users) социальной сети посредством анализа их контактов только по структурным характеристикам сети без информации о том, какой контент генерирует пользователь (Petrovskiy, Chikunov, 2019). Обращение к более широкому спектру текстов содержится в (Devyatkin et al., 2019): одна из задач исследователей состояла в том, чтобы составить корпус текстов, и для этой цели они использовали не только экстремистские тексты, но и тематически схожие, но не попадающие под эту категорию политические блоги, оппозиционные сайты, новости, тексты и публикации на религиозную тематику в социальных сетях. При выборе текстов для корпуса они руководствовались законом РФ «О противодействии экстремистской деятельности» и оценкой экспертов.

Критический анализ отечественных исследований, посвященных выявлению текстов экстремистской направленности, предложен в труде Ананьевой и др. (2016 а). Авторы выделяют несколько проблем: это ограничения используемых словарных систем, трудности с автоматизацией критериев экстремизма, а также использование упрощенных классификаций. Данные проблемы отчасти преодолеваются в исследованиях последних лет (особенно проблема автоматизации), однако в целом продолжают оставаться актуальными.

Эмпирический анализ экстремистской и радикальной риторики связан с двумя проблемами. Как зафиксировать/измерить экстремизм в текстовых источниках? И как обнаружить подобные источники? Решения первой проблемы подразделяют исследователей на «количественников» и «качественников». Решение второй проблемы часто приводит к обращению к источникам, которые уже были признаны экстремистскими. Таким образом, исследовательская практика оказывается тесно связана с судебной экспертизой.

Второй блок релевантной литературы — это анализ онлайн-активностей мигрантов, который динамично развивается в современных миграционных исследованиях (Andersson, 2019). Существующие исследования, организованные в разных странах в отношении различных категорий мигрантов, показывают важность онлайн-ресурсов для формирования опыта мигрантов в новой стране, сохранения связей со страной исхода, формирования их идентичностей, включения в принимающее общество, решения повседневных проблем (Madianou, Miller, 2012; Schrooten, 2012; Dekker et al., 2015; Alencar, 2020).

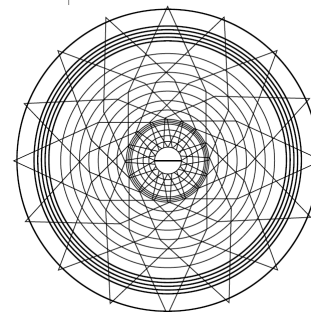
В исследованиях онлайн-активностей мигрантов из стран СНГ следует выделить два основных направления. Первое — это анализ коммуникации мигрантов в рамках сетевых ресурсов, который осуществляется в категориях конструирования национальных и иных идентичностей (Глухов и др., 2015; Tregubova, Nee, 2020). Второе — это исследование экономических практик мигрантов, представленных в социальных сетях и осуществляемых с помощью онлайн-технологий (Тимошкин, 2019). В рамках обоих направлений исследования выявляют разнообразие онлайн-активностей мигрантов и значительный потенциал онлайн-исследований для понимания особенностей миграционных процессов на постсоветском пространстве.

В рамках настоящей статьи особый интерес представляет анализ дискурсов, связанных с миграционными процессами, в сети Интернет. Дискурс-анализ является устоявшимся методом для изучения репрезентаций тех или иных групп в определенных дискурсивных полях. Однако чаще здесь исследуются репрезентации мигрантов и мусульман, нежели то, какими характеристиками обладают дискурсы

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

*Радикализация мигрантов и экстремистский потенциал
онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств
взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России*

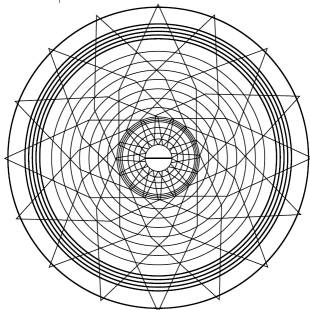
мигрантов и как они репрезентируют принимающее общество. В то же время дискурс-анализ стал популярным методом дополнения других количественных стратегий (тематическое моделирование, сетевой анализ и др.). В качестве примера обеих тенденций можно привести исследование онлайн-дискурсов, связанных с миграционным кризисом в ЕС (Assimakopoulos et al., 2017), причем авторы помещают анализ расистских, радикальных и экстремистских высказываний под зонтичным термином “hate speech”. Авторы анализируют дискурсы в отношении мигрантов в различных странах ЕС. Другой пример — исследование (Tornberg, Tornberg, 2016), которое рассматривает дихотомию «свой-чужие» в конструировании репрезентаций ислама и мусульман и то, каким образом она выстраивается в ходе онлайн-коммуникаций в Швеции. Авторы также предполагают, что онлайн-пространства коммуникаций продолжают и усиливают уже существующие за их пределами дискурсы. Данный тезис оказывается весьма актуальным для России, где процессы массовой миграции связаны с формированием различных, часто противоположных дискурсов как «сверху», со стороны государства, так и «снизу», на уровне повседневного взаимодействия мигрантов и принимающего общества. Факт массовой миграции в Россию получает различные интерпретации в разных версиях российского национализма (Malakhov, 2014; Laruelle, 2009) и становится важным для формирования идентичности самих мигрантов (Tregubova, Nee, 2020).

Теоретико-методологические основания исследования

Для определения теоретико-методологических оснований исследования мы обращаемся к нескольким источникам.

Первый источник — это концепция экстремизма, выдвинутая Дж. Бергером (Berger, 2018). Бергер опирается на теорию социальной идентичности, развиваемую в социальной психологии. Теория социальной идентичности указывает на то, что люди склонны относить себя и других к конкурирующим группам на основании оппозиции «мы-они». «Мы» (in-group) и «они» (out-group) представляют собой определенную идентичность — набор качеств, которые, как считается, делают человека или группу отличными от других людей или групп. Это может быть нация, религия, раса или нечто иное (Berger, 2018).

Экстремизм, согласно Бергеру, состоит в убеждении, что успех или выживание своей группы невозможно отделить от необходимости враждебных действий против чужаков; при этом враждебные действия могут варьироваться от словесных нападок и унижения до дискриминационного поведения, насилия и даже геноцида (Berger, 2018). У экстремистских групп существует определенная идеология, которая определяется как совокупность текстов, где описывается, кто является частью своей группы, кто — частью чужой группы и как эти группы должны взаимодействовать. Причем именно тексты (дискурсы) и их трансляции являются основным условием формирования экстремистских групп (Berger, 2018). Радикализация в экстремизме понимается автором как эскалация экстремистской ориентации внутри группы в форме все более негативных взглядов на чужую группу или одобрения все более враждебных или насильственных действий против чужой группы (Berger, 2018). Отсутствие научного консенсуса относительно того, что означают экстремизм и радикализация, полагает Бергер, фактически гарантирует, что эти определения оказываются взаимозаменяемыми и противоречивыми.

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

Радикализация мигрантов и экстремистский

Потенциал онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России

Для определения характера радикальных высказываний мы обращаемся к еще двум источникам, дополняющим друг друга. Исследователи Бакина и Махова (2014) формулируют критерии экстремистской направленности высказываний, выделяя при этом следующие категории анализа: отрицательная авторская эмоциональная оценка объекта, формирование подобной оценки у читателя, подстрекательство читателя к противоправным действиям и некоторые другие. Ананьева и др. (2016 b) предлагают типологию экстремизма, которая включает в себя терроризм, идеологические тексты, религиозную ненависть, сепаратизм, национализм, агрессию и призывы к беспорядкам, фашизм. Данная типология позволяет проводить более тонкие различия между типами радикальных высказываний.

В исследованиях радикализма и экстремизма важный вопрос заключается в том, как именно проводить черту между первым и вторым. В настоящем исследовании мы различаем радикализм и экстремизм по нескольким критериям. В первую очередь, экстремистские высказывания содержат в себе призывы к действию, в то время как радикальные высказывания отсылают к некоторой точке зрения. Во-вторых, в отличие от радикализма, экстремизм преследует крайние цели и средства их достижения. Радикализм восстает против истеблишмента или, шире, статуса-кво, в то время как экстремизм направлен не только против истеблишмента, но и против всех тех, кто не разделяет догматические взгляды in-group. Наконец, экстремизм в Российской Федерации является юридическим фактом, поэтому для его определения необходима юридическая экспертиза. Исходя из этого, мы категоризируем высказывания, подходящие под вышеперечисленные критерии экстремизма, как «потенциально экстремистские» и оцениваем не наличие/отсутствие экстремизма, а экстремистский потенциал.

Гипотезы исследования

Настоящее исследование охватывает мигрантов из стран с преобладающим мусульманским населением. Мигранты из этих стран представляют собой особенно уязвимую категорию для идеологий, которые связаны с радикальным исламом.

Почему наше внимание обращено именно к религиозным источникам радикализма? Здесь могут быть выдвинуты два аргумента.

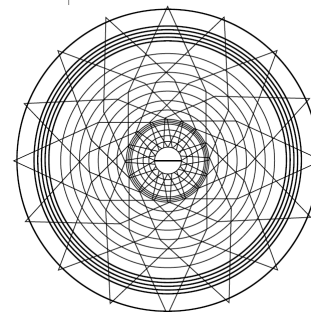
Первый аргумент заключается в том, что исламская идеология является важным источником радикализации мусульман на постсоветском пространстве. Здесь следует выделить социологические исследования биографических траекторий радикализации и ее социально-экономического контекста. Здесь объектом внимания исследователей становятся социальные механизмы ухода жителей регионов Северного Кавказа в радикальные религиозные движения, включая межпоколенческие конфликты и более широкий контекст социальных трансформаций (Стародубровская, 2015, 2016), а также общественное восприятие тех, кто «ушел» (Васильева и др., 2017). Данные исследования показывают значительный потенциал, которым обладает радикальная исламская идеология для переосмысления повседневных проблем в странах СНГ.

Второй аргумент связан с организацией повседневной жизни мигрантов в России. Он касается мигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. Мигранты из этих стран — это в большинстве низкоквалифицированные трудовые мигранты, которые часто рассматривают пребывание в России как временное и стремятся вернуться на родину. Исследования показывают, что в ходе своей повседневной жизни мигранты сталкиваются с рядом проблем, однако эти проблемы не становятся

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

*Радикализация мигрантов и экстремистский потенциал
онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств
взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России*

источником коллективного недовольства (Резаев и др., 2014). Это так, потому что условия жизни трудовых мигрантов из Средней Азии в России приводят к «ситуации «ни там, ни тут»: они мало взаимодействуют с представителями принимающего общества и в целом ориентированы на страну исхода, однако свои повседневные проблемы они не обсуждают с родными и близкими на Родине» (Степанов, 2018 а: 115). Именно поэтому мы полагаем, что источником радикализации с большей вероятностью станут не повседневные проблемы сами по себе, а последовательная религиозная радикальная идеология, которая способна актуализировать фоновое недовольство.

При каких условиях пребывание в России оказывает влияние на радикализацию мигрантов? Вслед за Павлом Лисицыным (2018) мы предполагаем, что такому влиянию будет способствовать сочетание относительно свободного доступа к источникам радикальной идеологии в России с наличием религиозных ограничений на родине.

Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан, согласно своему законодательству², являются светскими государствами, в которых религия и религиозная деятельность отделены от государства и политической деятельности и где гарантирована свобода вероисповедания. Количество мечетей на душу населения выше всего в Кыргызстане, ниже всего — в Узбекистане³. Следует также отметить, что в Таджикистане количество мечетей в последние 20 лет стало уменьшаться, а их финансирование — контролироваться государством (Лисицын, 2018).

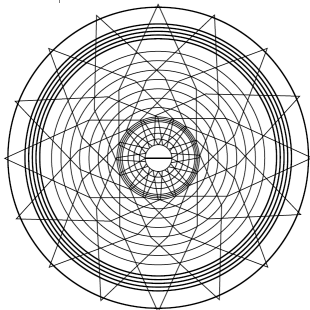
Религиозные ограничения являются особенно заметными в Узбекистане и в Таджикистане. В Узбекистане об этом свидетельствует запрет прозелитизма⁴ и наименьшее число мечетей на душу населения, в Таджикистане — государственная политика, ограничивающая иностранное религиозное влияние⁵, включая запрет на

² Были проанализированы законодательные акты, регулирующие религию и религиозную деятельность на территории государства: Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 года № 483–IV «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.12.2016), Закон Республики Узбекистан от 1 мая 1998 года №618–1 «О свободе совести и религиозных организаций» (в редакции Законов Республики Узбекистан от 31.12.2008 №ЗРУ-197, 18.04.2018 №ЗРУ-476), Закон Азербайджанской Республики от 20 августа 1992 года №281 «О свободе вероисповедания» (в редакции Законов Азербайджанской Республики 1996–2017 гг.). Данные по Таджикистану и Кыргызстану были заимствованы из (Лисицын, 2018). Мы благодарим Павла Лисицына за его ценные замечания о проблемах радикализма и экстремизма в связи с миграционными процессами на постсоветском пространстве.

³ Источник данных о численности и религиозном составе населения: Статистика в реальном времени. (2020, 1 октября). Источники данных о количестве мечетей: Day.Az (2019, 30 июля), Sputnik Kazakhstan. (2019, 16 января), United States Department of State... (2018).

⁴ Миссионерская деятельность в Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане разрешены соответствующими статьями закона. В Узбекистане, напротив, прозелитизм запрещен в ст. 5.

⁵ В Таджикистане получение образования за границей возможно лишь после получения религиозного образования внутри страны и при условии получения официального разрешения. В Казахстане и в Кыргызстане установление международных связей и религиозное образование за рубежом разрешено. В Узбекистане в ст. 22 соответствующего закона говорится: «Религиозные организации в соответствии с законодательством вправе устанавливать и поддерживать международные связи в целях паломничества или участия в других религиозных мероприятиях», однако, как видно из этой статьи, напрямую про образование за рубежом ничего не говорится. В Азербайджане допускается отправлять за рубеж для получения религиозного образования, однако впоследствии, после

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

Радикализация мигрантов и экстремистский

Потенциал онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России

распространение религиозной литературы в общественных местах⁶, а также закрытие мечетей.

Таким образом, мы формулируем следующие гипотезы исследования.

Гипотеза-основание: основным источником радикалистских высказываний на сайтах по мигрантской тематике является идеология радикального ислама.

Гипотеза-следствие: ограничения в отношении ислама в Узбекистане и Таджикистане приводят к тому, что для мигрантов из этих стран существует больше онлайн-ресурсов с радикализированными исламскими направлениями.

Методика исследования

Подход, принятый в настоящем исследовании, отличается от большинства эмпирических исследований экстремизма в нескольких отношениях. Во-первых, мы используем *общедоступные данные* по определенной (в данном случае — миграционной) тематике, и из них проводится выборка материалов с радикальной риторикой. Во-вторых, представленное исследование *сочетает количественные и качественные методы анализа*, а именно сетевой анализ и дискурс-анализ. Наконец, выборка сайтов структурирована так, чтобы провести их *сравнение по различным категориям*. В рамках данного исследования важными оказываются категории страны/региона исхода мигрантов, а также разделение на религиозный и националистический радикализм.

В исследовании, результаты которого представлены в настоящей статье, использовалась процедура двухэтапного сбора данных. На первом этапе была составлена общая выборка сайтов по миграционной тематике. На втором этапе из нее были отобраны сайты, которые содержат радикальные высказывания. Двухэтапная модель сбора данных была необходима для поиска материалов, связанных с миграцией в Россию, так как большинство известных экстремистских материалов, включая КавказЧат, не имеют прямого отношения к процессам международной миграции (если только они не направлены *против* мигрантов).

На первом этапе поиск сайтов по миграционной тематике проводился по двум каналам: была создана выборка онлайн-групп в социальной сети ВКонтакте, а также выборка сайтов по миграционной тематике на основании поиска через Google.

Поиск сайтов через Google осуществлялся на русском языке и на национальных языках стран исхода⁷ по ключевым словам «мигрант азербайджанец / казах / киргиз / узбек / таджик / русский» и «местный азербайджанец / казах / киргиз / узбек / таджик /

получения такого образования, пропадает возможность проводить обряды и ритуалы, относящиеся к исламу.

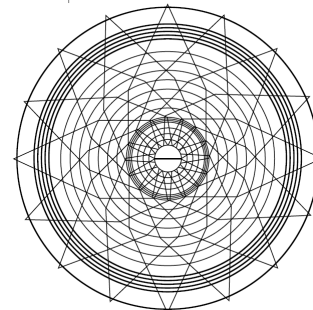
⁶ В Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане законы устанавливают, что религиозную литературу можно распространять, но для этого нужно быть зарегистрированной религиозной организацией. В Азербайджане религиозную литературу могут распространять и физические лица, но с разрешения соответствующего органа исполнительной власти. Распространение религиозной литературы в Казахстане разрешено, но только «в культовых зданиях (сооружениях), духовных (религиозных) организациях образования, а также в специально определенных местными исполнительными органами областей, городов республиканского значения и столицы стационарных помещениях» (ст. 9.2).

⁷ При необходимости содержание сайтов переводилось с помощью сервиса Google Переводчик, <https://translate.google.com/>.

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

*Радикализация мигрантов и экстремистский потенциал
онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств
взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России*

русский». Для каждого из словосочетаний просматривались сайты, выдаваемые поисковиком на первых десяти страницах, и из них вручную отбирались те, которые имеют отношение к миграционным процессам на постсоветском пространстве. Всего было отобрано более 700 сайтов, от 100 до 200 для каждого языкового сегмента.

Поиск по группам ВКонтакте осуществлялся по следующим группам морфем, характеризующим страны исхода с их этнотерриториальным разнообразием: мигрант*, миграц*, азерб*, казах*, киргиз*, таджик*, узбек*, ферган*, каралакалпак*, памир*, бадахшан*, дунган*, талыш*, уйгур* и их аналоги на национальных языках. Были просмотрены все группы, появляющиеся в выдаче в поиске групп ВКонтакте по соответствующей морфеме, из них вручную отбирались те, что имеют отношение к тематике исследования. Кроме собственно миграционных групп, в выборку включались 20 самых крупных групп о стране/регионе, а также группы об исламе. Всего было отобрано более 2000 групп.

На втором этапе из общего массива были вручную отобраны 23 ресурса с радикальной риторикой: 20 групп ВКонтакте и три иных сайта⁸. При отборе групп мы ориентировались на критерии и категории, предложенные в исследованиях Бакиной, Маховой (2014) и Ананьевой и др. (2016 b).

В качестве основного метода анализа данных выступал дискурс-анализ. Как было отмечено выше, дискурс-анализ чаще применяется для исследования высказываний в отношении мигрантов, однако в данном исследовании он выступает для анализа высказываний в мигрантских группах. Мы использовали критический дискурс-анализ, который позволяет ухватить взаимосвязь между значениями конкретных текстов и более широкими социальными и культурными процессами их производства, обращая внимание на идеологические эффекты дискурсов (Jorgensen, Phillips, 2002). Дискурс-анализ сайтов был направлен на выявление бинарных оппозиций «мы-они» и типа радикализма, включая характеристику отношения к России и россиянам.

Для групп ВКонтакте в качестве дополнительного метода был использован сетевой анализ, где группы представляют собой узлы, а их общие участники — ребра⁹. Сетевой анализ позволил рассмотреть связи между группами через наличие у них общих участников. При этом были проанализированы связи не только с группами, в которых представлен радикальный дискурс, но со всеми группами, попавшими в выборку.

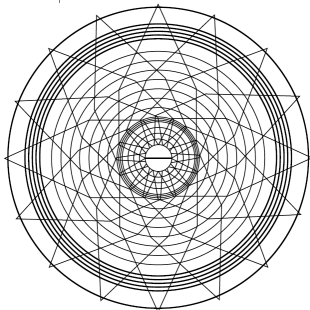
Результаты исследования

По результатам исследования большая часть сайтов с радикальной риторикой оказалась связана с Азербайджаном. Из 23 онлайн-источников десять были связаны непосредственно с Азербайджаном, один — с Талышистаном¹⁰ и еще три — с Южным

⁸ Из 20 групп ВКонтакте 9 имеют менее 100 участников, 8 — от 100 до 1000 участников, 2 — более 2000 участников, еще у одной число участников является скрытым (данные за март 2019 г.). Из 20 групп 7 являются закрытыми, все они связаны с Азербайджаном и / или исламом и являются небольшими группами (от 20 до 150 человек). Оставшиеся три сайта представляют собой подкаст, блог и информационный портал.

⁹ Сетевой анализ проводился, если информация об участниках группы была открыта. Мы благодарим Анастасию Китаеву за помощь в проведении сетевого анализа.

¹⁰ Талыши — крупнейшее этническое меньшинство Азербайджана, чей язык относится к иранской языковой группе.

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

*Радикализация мигрантов и экстремистский
Потенциал онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых
пространств взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России*

Азербайджаном¹¹. Два сайта имели отношение к Узбекистану (один сайт оппозиционного движения и один подкаст потенциально экстремистской направленности на узбекском языке), еще два — к Каракалпакстану (региональный сепаратизм), региону в Узбекистане; по одному сайту — к Казахстану и к Таджикистану (оппозиционные онлайн-ресурсы). Наконец, три сайта не имели явной привязки к стране или региону, но явно апеллировали к исламу. Для Кыргызстана сайтов с радикальной риторикой обнаружено не было. Язык сайтов различается: некоторые используют национальные языки, некоторые — русский, некоторые — тот и другой в разных соотношениях.

Значительная часть анализируемых сайтов имели отношение к Азербайджану в связке с тематикой ислама. Не было случаев, когда азербайджанская идентичность противопоставлялась другим без отсылок в том или ином виде к исламу; чаще ислам был центральной темой. Таким образом, радикалистские группы и паблики зачастую демонстрировали и националистическую риторику, и религиозную ненависть. Были обнаружены группы, где ярко выражена критика существующего положения внутри страны, оппозиция по отношению к действующему правительству. В крайних случаях онлайн-ресурсы апеллировали к террористическим изображениям, демонстрировали поддержку террористических организаций (Аль Каида и ИГ — запрещенная в России организация).

На азербайджанских сайтах чаще всего присутствует оппозиция азербайджане-турки VS другие (в особенности русские, армяне, персы). Россия представляет один из вариантов «другого» (и национально, и религиозно). Кроме того, часто актуализируется тема несправедливости и угнетения, которая связана с такими сюжетами, как Карабах, разделение Азербайджана на Северный и Южный, резня в Ходжалы. Приведем несколько примеров¹²:

*Сколько пролито слез мусульманских,
Крым, Кавказ, Газа и Татарстан...
Почему своды храмов Исламских
Может грабить какой то иван???*

Хочется, что бы мусульмане знали, что происходит у них на Родине, так как Азербайджан является землей мусульман. Нельзя быть равнодушным к тому, что творится вокруг тебя, как с точки зрения морали, так и с точки зрения Ислама, особенно когда причиняют вред твоим братьям и сестрам и относится к ним несправедливо...

вы будучи Азербайджанцем или Азербайджанкой можете общаться по-русски или на английском, дружить и встречаться ... с русскими, армянами и персами, НО НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ЧТО ИМЕННО они ПРОЛИЛИ КРОВЬ МИЛЛИОНАМ НЕВИННЫМ АЗЕРБАЙДЖАНЦАМ, ИМЕННО они РАЗДРОБИЛИ, РАЗОРИЛИ И ОГРАБИЛИ АЗЕРБАЙДЖАН, РАЗДЕЛИВ ЕГО НА СЕВЕРНЫЙ И ЮЖНЫЙ!

В отношении разделения Азербайджана на Северный и Южный часто актуализируется тема «утерянных земель», тема стремления к воссоединению Азербайджана:

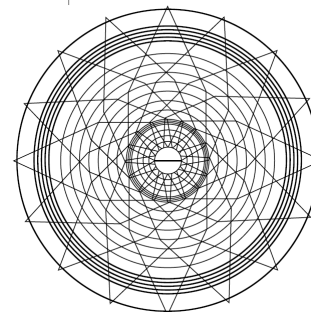
¹¹ Область в Иране с преобладающим азербайджанским населением.

¹² Здесь и далее в цитатах орфография и пунктуация авторские.

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

*Радикализация мигрантов и экстремистский потенциал
онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств
взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России*

Azərbaycan bir olsun, mərkəzi Təbriz olsun! (Пусть Азербайджан будет одним, центральным Тебризом!)

Цель группы — обсудить созданную Шахом Исмаилом Хатаи Азербайджанскую империю Сефевидов и сделать хотя бы небольшой шаг к объединению земель, потерянных Азербайджаном по сей день.

Одним из основных вдохновителей для построения идентичности считается Мамед Расулзаде¹³. Причем создатели одного из пабликов сделали аккаунт в Инстаграме “rasulzade1918” (с 1918 г. Расулзаде не сотрудничал с большевиками и стал пропагандировать националистические идеи в Азербайджане).

Чаще всего идентичность азербайджанцев определяется как «тюрки», однако на некоторых сайтах упоминаются талыши как один из мусульманских народов, входящих в состав республики Азербайджан и проживающих за ее пределами. В таких случаях идентичность смещается в сторону религиозной — единства всех мусульман. Существуют отдельные паблики, посвященные талышам. Где-то талыши как народ включены в понятие «мы», где-то они отделяются. В первую очередь, отделяются сами: некоторые группы актуализируют сепаратистские идеи в отношении талышей, осознание своей идентичности, превращение языка в государственный и создание собственного государства. Встречаются случаи, когда сепаратистские настроения смешиваются с религиозной ненавистью (например, в названии «Талышистан хеболла»).

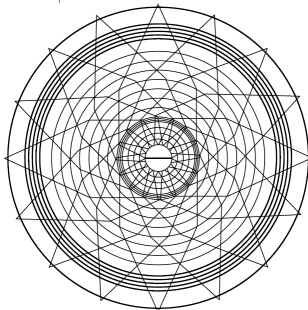
Также существуют группы, построенные вокруг идеи об общей истории и «судьбы» Южного Азербайджана. В них популярен хэштег GAMOH¹⁴ (организация, борющаяся за «национальное освобождение Южного Азербайджана»). В качестве «другого» в них обычно выступают персы и провозглашается идея отделения от Ирана.

Три онлайн-ресурса, посвященные обсуждению положения дел в Узбекистане, Таджикистане и Казахстане соответственно, характеризуются риторикой национализма в сочетании с критикой правительств своих стран с позиций недовольства коррупцией, угнетением, отсутствием правосудия и др. Все три сайта представляют оппозиционные движения разной степени радикальности. В казахстанской группе риторика направлена также против русскоязычного населения, в таджикстанской — против влияния России, а также против ИГ (запрещенная в России организация). Приведем пример из таджикстанской группы:

Наше спортивное лицо на сегодняшний день — это отец и сын Рахмон и Рустам, такое же лицо, как в политике, экономике, дипломатии и других обликах нашей многострадающей страны...

¹³ Мамед Расулзаде (1884–1955) — лидер мусульманской фракции Закавказского Сейма — законодательного органа Закавказья, сформированного незадолго до создания Азербайджанской Демократической Республики, — государства со столицей в Тифлисе, провозглашенного Временным национальным советом мусульман Закавказья в 1918 году и переставшего существовать в 1920 году вследствие вторжения Красной армии в Баку.

¹⁴ Güney Azərbaycan Milli Oyanış Hərəkatı — GAMOH, в англоязычной версии Southern Azerbaijan National Awakening Movement — SANAM.

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

Радикализация мигрантов и экстремистский

Потенциал онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России

В Узбекистане особая региональная идентичность связана с республикой Каракалпакстан. В двух каракалпакских группах, попавших в нашу выборку, декларируются ярко выраженные сепаратистские настроения, недовольство политикой государства в целом и по отношению к республике в частности.

Наконец, онлайн-ресурсы, связанные с радикальным исламом, чаще бывают закрытыми. Они апеллируют к более широкому кругу мусульман в общем и целом или к отдельно взятым национальностям (Исламская республика Азербайджан или подкаст на узбекском языке). В подобных группах иногда можно наблюдать потенциально экстремистские материалы (фотографии, посты, хэштеги).

Дискурс-анализ сайтов был дополнен сетевым анализом, который зафиксировал связи между различными группами ВКонтакте. Сетевой анализ показал, что азербайджанские группы, в том числе, те, что представляют разные виды национального и религиозного радикализма, оказываются связаны между собой через участников, в основном — слабыми связями. При этом в азербайджанских сообществах есть участники групп, тематизирующих миграцию из стран Центральной Азии из общей выборки сайтов (особенно из Таджикистана), хотя их немного. Группы из Центральной Азии также оказываются связаны между собой и с азербайджанскими, хотя сильные связи наблюдаются только между двумя каракалпакскими группами. Следует также отметить, что большинство групп имеют общих участников с группами из общей выборки сайтов: участники групп с радикальной риторикой не замыкаются внутри них, но оказываются участниками онлайн-взаимодействий по более широкой тематике.

Выводы

По результатам проведенного анализа могут быть сформулированы три основных вывода:

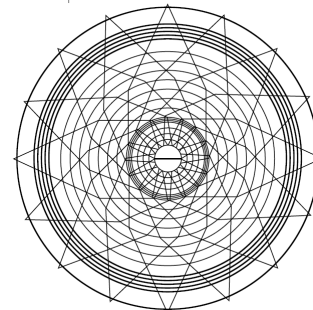
1. Радикальный дискурс на проанализированных онлайн-ресурсах подразделяется на три основных типа: национализм, региональный сепаратизм и религиозный радикализм¹⁵.
2. Соотношения между разными типами дискурса различаются в зависимости от региона. Для Азербайджана было зафиксировано наибольшее число сайтов с радикальной риторикой, причем связанные с Азербайджаном группы обычно сочетали два или три типа дискурса. Большинство онлайн-ресурсов сочетало идеи национализма с тематикой ислама. Сайты, относящиеся к странам Центральной Азии, напротив, немногочисленны и в основном представляют один из типов дискурса.
3. Материалы проанализированных сайтов сосредоточены на проблематике стран исхода или на глобальной исламской повестке и практически не тематизируют миграцию в Россию. Это верно вне зависимости от того, на каком языке представлены высказывания. Однако Россия иногда обсуждается как страна, оказывающая негативное влияние на процессы в стране исхода.

¹⁵ Данная типология основана на классификации, представленной в (Ананьева и др. 2016 б). Национализм и региональный сепаратизм различаются следующим образом: первый связан с дискурсом о существующем национальном государстве, второй — с призывами к отделению некоторого региона в рамках государства.

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

Радикализация мигрантов и экстремистский потенциал онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России

Таким образом, гипотеза-основание была *опровергнута*. Идеология радикального ислама является лишь одним из источников радикальных высказываний на сайтах по мигрантской тематике. Наиболее распространенным источником радикализации является оценка положения дел в стране исхода, что предполагает национализм или региональный сепаратизм. В случае Азербайджана исламская идеология часто сочетается с национализмом, однако не всегда в ее наиболее радикальных формах. При этом, по всей видимости, не важно, находятся ли люди в своей стране или за ее пределами: идентичность и приверженность идеям строится по принципам «воображаемого сообщества» (Андерсон, 2001), ограниченного не территорией, а религиозными взглядами и оппозицией по отношению к «угнетающим народам». Чаще всего в качестве источника подобного «угнетения» назывались русские, армяне, персы или собственное правительство (последнее верно для всех стран).

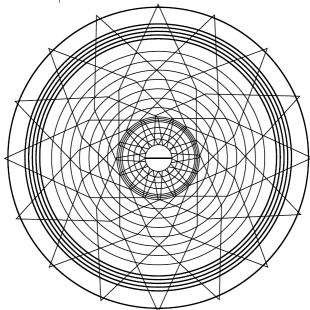
Гипотеза-следствие также была *опровергнута*. Хотя религиозная политика в Узбекистане и Таджикистане дает основания предполагать, что будет существовать больше онлайн-ресурсов с радикальными исламскими направлениями для этих стран, на основании тех данных, которые мы собрали, это не подтвердилось. Большинство сайтов, которые мы анализировали, задействовали или азербайджанскую идентичность, или исламскую в целом. Тем не менее следует отметить существование нескольких сайтов с радикальной исламской идеологией, один из которых на узбекском языке. Кроме того, во многих из проанализированных групп ВКонтакте в число участников входили люди, также являющиеся участниками групп о Таджикистане. Это позволяет говорить о том, что экстремистский потенциал, предполагаемый в гипотезе-следствии, существует, хотя и задействует (пока?) лишь небольшое число людей.

В завершение вернемся к двум вопросам, поставленным в начале статьи:

- 1) *К каким типам радикализации мигранты оказываются наиболее чувствительны?*

Мигранты в России, включая представителей диаспор, оказываются чувствительны к радикальному дискурсу трех разновидностей: радикальной критике собственного правительства, региональному сепаратизму и религиозному радикализму. Последний представляется наиболее опасным для России, так как первые два ориентированы на страну исхода, а религиозный радикализм имеет универсальное значение. При этом негативная оценка влияния России на ситуацию в стране исхода может выступать косвенным фактором радикализации мигрантов.

Следует также отметить, что важная роль, которую играет обсуждение проблем страны исхода в группах с радикальной риторикой, указывает на особый тип *транснационализма* мигрантов. В современном мире развитие средств коммуникации позволяет мигрантам поддерживать связь со страной исхода, находясь одновременно «здесь и там» — в социальных пространствах двух (или более) национальных государств (Степанов, 2018 б). При этом степень и формы вовлечения в эти пространства различаются. То обстоятельство, что проанализированные онлайн-ресурсы тематизируют происходящее в стране исхода, но не в России, ставит перед исследователями вопрос о том, что именно в организации повседневной жизни мигрантов (членов диаспоры) определяет именно такой фокус внимания. Мы оставляем этот вопрос для дальнейших исследований.

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

*Радикализация мигрантов и экстремистский
Потенциал онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых
пространств взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России*

2) Каким образом возможно фиксировать проявления радикализма в интернете?

В настоящем исследовании поиск радикализма осуществлялся через общедоступные онлайн-данные. С этим связаны неизбежные ограничения исследования. Во-первых, поиск позволяет обнаружить только те материалы, которые находятся в открытом доступе. Во-вторых, и в связи с первым, вероятно, что некоторые радикалистские и потенциально экстремистские сайты находятся в других социальных сетях или в мессенджерах. Возможно, именно этим объясняется небольшое число онлайн-ресурсов, относящихся к странам Центральной Азии. Наконец, в настоящем исследовании «сайты по миграционной тематике» мы понимали максимально широко и включали в них диаспоральные связи, этнический бизнес и т. п. Это может отчасти объяснять отсутствие концентрации на собственно проблемах миграции.

Тем не менее, события осени 2020 года показывают, увы, актуальность проведенного анализа. Радикальная риторика, зафиксированная нами на азербайджанских сайтах, является более чем созвучной социально-политическим процессам на постсоветском пространстве.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 18-78-10049.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ананьева, М. И., Кобозева, М. В., Соловьев, Ф. Н., Поляков, И. В., Чеповский, А. М. (2016 а). О проблеме выявления экстремистской направленности в текстах. Вестник НГУ. Серия: Информационные технологии, 4, 5–13.

Ананьева, М. И., Девяткин, Д. А., Кобозева, М. В., Смирнов, И. В. (2016 б). Лингвостатистический анализ текстов экстремистской направленности. Тр. Междунар. науч. конф. Московского физико-технического института (государственного университета) и Института физико-технической информатики (SCVRT1516), (сс. 210–213). Протвино.

Андерсон, Б. (2001). Воображаемые сообщества. Канон-Пресс-Ц, Кучково поле.

Бакина А. В., Махова И. Ю. (2014). К вопросу о психологических критериях экспертной оценки экстремистской направленности текста. Наука и мир, 2, 178–183.

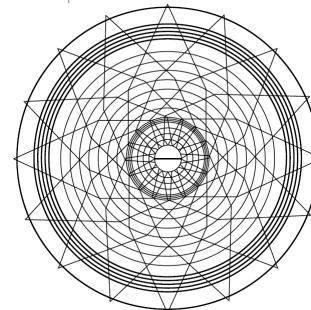
Бастриков, А. В., Бастрикова, Е. М., Палеха, Е. С. (2017). Верифицируемые виды анализа спорного текста: допустимые методы лингвистической экспертизы. Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки, 159(5), 1358–1368.

Борисова, А. С., Кургузенкова, Ж. В. Никишин, В. Д. (2018). Проблема перевода религиозноэкстремистских текстов в процессе судебной лингвистической экспертизы. Вестник РУДН. Серия: Лингвистика, 22(2), 448–473.

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

Радикализация мигрантов и экстремистский потенциал онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России

Варшавер, Е. А., Рочева, А. Л., Иванова, Н. С. (2019). Интеграция мигрантов второго поколения в возрасте 18—35 лет в России: результаты исследовательского проекта. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 2, 318—364.

Васильева, Н., Майборода, А., Ясавеев, И. (2017). «Почему уходят в ИГИЛ?»: дискурс-анализ нарративов молодых дагестанцев. Социологическое обозрение. 16(2), 54—74.

Глухов, А. П., Ахметова, Л. В., Бычкова, М. Н., Гужова, И. В., Носова, С. С., Окушова, Г. А., Стаховская, Ю. М. (2015). Социальные сети как площадка этнической коммуникации и средство предписания этнонациональной идентичности (сборник материалов исследования). Издательский Дом Томского государственного университета.

Девяткин, Д. А., Кузнецова, Ю. М., Чудова, Н. В., Швец, А. В. (2014). Интеллектуальный анализ проявления вербальной агрессивности в текстах сетевых сообществ. Искусственный интеллект и принятие решений, 2, 27—41.

Лисицын, П. П. (2018). От суннизма ханафитского мазхаба к салафитизму: общественное мнение и опыт мигрантов. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, (6), 234—250.

МВД РФ. (2020). Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь—декабрь 2019 года с распределением по регионам. <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19365693/>

Мишланов, В. А. (2012). Законодательство РФ об экстремизме и задачи лингвистической экспертизы текстов. Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 3(19), 62—69.

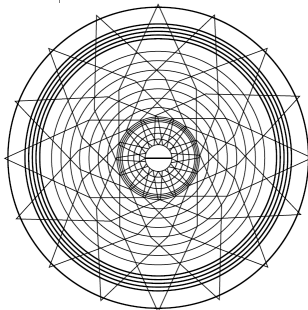
Резаев, А. В., Лисицын, П. П., Степанов, А. М. (2014). Частичное сопричастие как элемент коллективного недовольства. Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология, социология, педагогика, 12(2), 186—195.

Стародубровская, И. В. (2015). Неформальные институты и радикальные идеологии в условиях институциональной трансформации. Экономическая политика, 10(3), 68—88.

Стародубровская, И. В. (2016). Социальная трансформация и межпоколенческий конфликт (на примере Северного Кавказа). Общественные науки и современность, 6, 111—124.

Статистика в реальном времени. (2020, 1 октября). Данные о населении любой страны. <https://countrysmeters.info/ru>

Степанов, А. М. (2018 а). Сравнительный социологический анализ транснациональных практик мигрантов из республик бывшего СССР в России и США. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук по

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

Радикализация мигрантов и экстремистский

Потенциал онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России

специальности 22.00.04 — Социальные структуры, социальные институты и процессы. Санкт-Петербург, СПбГУ.

Степанов, А. М. (2018 б). Транснациональный подход в современных миграционных исследованиях. Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, 11(1), 116–127.

Тимошкин, Д. О. (2019). Доверие vs дезориентация: экономика русскоязычных «мигрантских» групп в социальных сетях. Экономическая социология, 20(5), 53–73.

Червякова, Л. В. (2016). Семиотический подход к анализу креолизованных текстов на предмет выявления экстремистской направленности. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика, 16(1), 41–44.

Alencar, A. (2020). Mobile communication and refugees: An analytical review of academic literature. Sociology Compass, 14(8), 1–13. <https://doi.org/10.1111/soc4.12802>

Andersson, K. B. (2019). Digital Diasporas: An Overview of the Research Areas of Migration and New Media through a Narrative Literature Review. Human Technology, 15(2), 142–180. <https://doi.org/10.17011/ht/urn.201906123154>

Assimakopoulos, S., Baider, F. H., Millar, S. (2017). Online Hate Speech in the European Union: A Discourse-Analytic Perspective. Springer.

Berger, J. M. (2018). Extremism. MIT Press.

Conway, M. (2017). Determining the Role of the Internet in Violent Extremism and Terrorism: Six Suggestions for Progressing Research. Studies in Conflict and Terrorism, 40(1), 77–98. <https://doi.org/10.1080/1057610x.2016.1157408>

Day.Az (2019, 30 июля). Сколько мечетей, церквей и синагог в Азербайджане? <https://news.day.az/society/1142786.html>

Dekker, R., Engbersen, G., Faber, M. (2015). The Use of Online Media in Migration Networks. Population, Space and Place, 22(6), 539–551. <https://doi.org/10.1002/psp.1938>

Devyatkin, D., Smirnov, I., Suvorova, M., Chepovski, A. (2019). Extremist text detection in social web (pp. 344–350). Proceedings of the International Conferences on ICT, Society and Human Beings 2019, Connected Smart Cities 2019 and Web Based Communities and Social Media 2019. https://doi.org/10.33965/wbc2019_2019081041

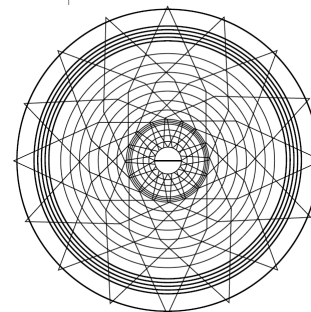
Jorgensen, M., Phillips, L. (2002). Discourse Analysis as Theory and Method. Sage Publications.

Laruelle, M. (2009). In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia. Palgrave Macmillan.

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

*Радикализация мигрантов и экстремистский потенциал
онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств
взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России*

Litvinova, T., Litvinova, O., Zavarina, G. (2019). Two Views On The 2010 Moscow Metro Bombings: Corpus-Based Contrastive Keyword Analysis. In D. Alexandrov, A. Boukhanovsky, A. Chugunov, Y. Kabanov, O. Koltsova, I. Musabirov (Eds.), Digital Transformation and Global Society (DTGS-2019), (pp. 393–404). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-37858-5_32

Madianou, M., Miller, D. (2012). Migration and New Media: Transnational Families and Polymedia. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203154236>

Malakhov, V. S. (2014). Russia as a New Immigration Country: Policy Response and Public Debate. Europe-Asia Studies, 66(7), 1062–1079. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.934140>

Mashechkin, I. V., Petrovskiy, M. I., Tsarev, D. V., Chikunov, M. N (2019). Machine Learning Methods for Detecting and Monitoring Extremist Information on the Internet. Programming and Computer Software, 45, 99–115. <https://doi.org/10.1134/s0361768819030058>

Petrovskiy, M., Chikunov, M. (2019). Online extremism discovering through social network structure analysis. 2019 IEEE 2nd International Conference on Information and Computer Technologies (ICICT), (pp. 243–249). Kahului, HI. <https://doi.org/10.1109/infoc.2019.8711254>

Reeves, M. (2019). The Queue: Bureaucratic Time, Distributed Legality, and the Work of Waiting in Migrant Moscow. Suomen Antropologi, 44(2), 20–39.

Ruget, V., Usmanalieva, B. (2019). Can smartphones empower labour migrants? The case of Kyrgyzstani migrants in Russia. Central Asian Survey, 38, 165–180. <https://doi.org/10.1080/02634937.2019.1594170>

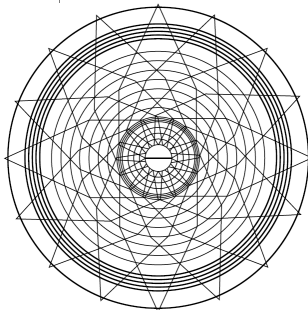
Schrooten, M. (2012). Moving ethnography online: researching Brazilian migrants' online togetherness. Ethnic and Racial Studies, 35(10), 1794–1809. <https://doi.org/10.1080/01419870.2012.659271>

Sputnik Kazakhstan. (2019, 16 января). Мечети Казахстана станут более безопасными — новые правила. <https://ru.sputniknews.kz/society/20190116/8885652/mecheti-kazakhstan-stroitelstvo-pravila.html>

Tornberg, A., Tornberg, P. (2016). Muslims in social media discourse: Combining topic modeling and critical discourse analysis. Discourse, Context and Media, 13, 132–142. <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2016.04.003>

Tregubova, N. D., Nee, M. L. (2020). Beyond Nations and Nationalities: Discussing the Variety of Migrants' Identifications in Russian Social Media. Changing Societies & Personalities, 4(3), 323–349. <https://doi.org/10.15826/csp.2020.4.3.104>

United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. (2017). International Migration Report 2017: Highlights. United Nations

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

*Радикализация мигрантов и экстремистский
Потенциал онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых
пространств взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России*

https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migration-report/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf

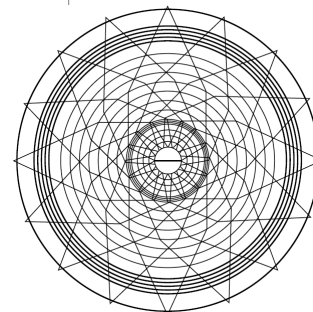
United States Department of State. Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor (2018). Uzbekistan 2018 International Religious Freedom Report. <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/UZBEKISTAN-2018-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf>

Urinboyev, R. (2017). "Establishing an Uzbek mahalla" via smartphones and social media: Everyday transnational lives of Uzbek labour migrants in Russia. In M. Laruelle (Ed.), *Constructing the Uzbek state: Narratives of post-Soviet years* (pp. 119–148). Lexington Books.

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

*Радикализация мигрантов и экстремистский потенциал
онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств
взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России*

MIGRANTS' RADICALIZATION AND EXTREMISM ONLINE: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CIS MIGRANTS' SOCIAL NETWORKS

Tregubova N.D.

Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor at the
Saint Petersburg University
(Saint Petersburg, Russia)
n.tregubova@spbu.ru

Ivanova A.A.

Student of the Doctoral Programme 'Sociology' at the Saint
Petersburg University
(Saint Petersburg, Russia)
anaspis100@gmail.com

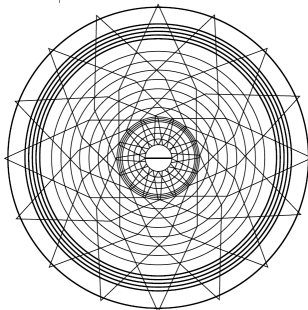
Abstract:

The paper addresses the problem of the radicalization of the CIS migrants' to Russia as it appears on the Internet.

Prior research indicates that the ideological experience and attitudes of migrants to Russia from the CIS countries vary: some migrants describe experiences of harshness and neglect, while others perceive protection and support. However, there are no profound and detailed examinations of how different experiences and attitudes transform into extremism and radicalization. The paper combines qualitative and quantitative methods to investigate the effects of radicalization in on-line milieu.

The authors formulate two questions for researchers of radicalism and extremism online: To what types of radicalization are migrant users most sensitive? How to find extremism and radicalism on the Internet? The paper attempts to answer these questions. The study of radicalistic sources combines discourse analysis and social network analysis. The empirical base of the study is the corpus of radicalistic online sources (groups in social media, podcasts, etc.) organized in the framework of a more comprehensive research project. The latter is aimed at comparative analysis of online behavior of migrants to Russia from Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan. The paper outlines similarities and differences between radical discourses in which migrants from the CIS countries are involved. The authors pay particular attention to Azerbaijani groups, in which radical discourses are presented in the most extensive and diverse ways.

The authors formulate the following research conclusions. First, radical discourses could be divided into nationalism, regional separatism, and religious radicalism. Second, the relationships between discourses differ depending on the region. For Azerbaijan, online sources typically combine different discourses, while Central Asian web-sites mainly contain only one type of discourse. Third, the content of the analyzed sources is focused on the problems of the countries of origin or on the

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

*Радикализация мигрантов и экстремистский
Потенциал онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых
пространств взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России*

global Islamic agenda and has almost no reference to migration to Russia. However, Russia is occasionally mentioned as a country that has a negative impact on the processes in the country of origin. The authors also discuss the limitations of the research and perspectives of studying radicalism online.

Keywords: migration, radicalization, social networks, Central Asia, Azerbaijan

ACKNOWLEDGEMENT

The study was supported by Russian Science Foundation, grant no. 18-78-10049.

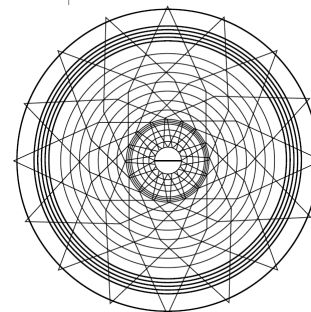
REFERENCES

- Alencar, A. (2020). Mobile communication and refugees: An analytical review of academic literature. *Sociology Compass*, 14(8), 1–13. <https://doi.org/10.1111/soc4.12802>
- Anan'eva, M. I., Devyatkin, D. A., Kobozeva, M. V., Smirnov, I. V. (2016 b). Lingvostatisticheskii analiz tekstov ekstremistskoy napravlenosti. Tr. Mezhdunar. nauch. konf. Moskovskogo fiziko-tekhnicheskogo instituta (gosudarstvennogo universiteta) i Instituta fiziko-tekhnicheskoy informatiki (SCVRT1516), (pp. 210–213). Protvino.
- Anan'eva, M. I., Kobozeva, M. V., Solov'ev, F. N., Polyakov, I. V., Chepovskiy, A. M. (2016 a). O probleme vyavleniya ekstremistskoy napravlenosti v tekstakh. *Vestnik NGU. Series: Informatsionnye tekhnologii*, 4, 5–13.
- Anderson, B. (2001). *Voobrazhaemye soobshchestva*. Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole.
- Andersson, K. B. (2019). Digital Diasporas: An Overview of the Research Areas of Migration and New Media through a Narrative Literature Review. *Human Technology*, 15(2), 142–180. <https://doi.org/10.17011/ht/urn.201906123154>
- Assimakopoulos, S., Baider, F. H., Millar, S. (2017). *Online Hate Speech in the European Union: A Discourse-Analytic Perspective*. Springer.
- Bakina A. V., Makhova I. Yu. (2014). K voprosu o psikhologicheskikh kriteriyakh ekspertnoy otsenki ekstremistskoy napravlenosti teksta. *Nauka i mir*, 2, 178–183.
- Bastrikov, A. V., Bastrikova, E. M., Palekha, E. S. (2017). Verifitsiruemye vidy analiza spornogo teksta: dopustimye metody lingvisticheskoy ekspertizy. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Series Gumanitarnye nauki*, 159(5), 1358–1368.
- Berger, J. M. (2018). *Extremism*. MIT Press.
- Borisova, A. S., Kurguzenkova, Zh. V., Nikishin, V. D. (2018). Problema perevoda religioznoekstremistskikh tekstov v protsesse sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy. *Vestnik RUDN. Series: Lingvistika*, 22(2), 448–473.
- Chervyakova, L. V. (2016). Semioticheskii podkhod k analizu kreolizovannykh tekstov na predmet vyavleniya ekstremistskoy napravlenosti. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya Seriya. Series Filologiya. Zhurnalistsika*, 16(1), 41–44.

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

*Радикализация мигрантов и экстремистский потенциал
онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств
взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России*

Conway, M. (2017). Determining the Role of the Internet in Violent Extremism and Terrorism: Six Suggestions for Progressing Research. *Studies in Conflict and Terrorism*, 40(1), 77–98. <https://doi.org/10.1080/1057610x.2016.1157408>

Day.Az (2019, 30 July). Skol'ko mechetey, tserkvey i sinagog v Azerbaydzhane? <https://news.day.az/society/1142786.html>

Dekker, R., Engbersen, G., Faber, M. (2015). The Use of Online Media in Migration Networks. *Population, Space and Place*, 22(6), 539–551. <https://doi.org/10.1002/psp.1938>

Devyatkin, D., Smirnov, I., Suvorova, M., Chepovskiy, A. (2019). Extremist text detection in social web (pp. 344–350). *Proceedings of the International Conferences on ICT, Society and Human Beings 2019, Connected Smart Cities 2019 and Web Based Communities and Social Media 2019*. https://doi.org/10.33965/wbc2019_201908I041

Devyatkin, D. A., Kuznetsova, Yu. M., Chudova, N. V., Shvets, A. V. (2014). Intel'lektual'nyy analiz proyavleniy verbal'noy agressivnosti v tekstakh setevykh soobshchestv. *Iskusstvennyy intellekt i prinyatie resheniy*, 2, 27–41.

Glukhov, A. P., Akhmetova, L. V., Bychkova, M. N., Guzhova, I. V., Nosova, S. S., Okushova, G. A., Stakhovskaya, Yu. M. (2015). *Sotsial'nye seti kak ploshchadka etnicheskoy kommunikatsii i sredstvo predpisaniya etnonatsional'noy identichnosti (sbornik materialov issledovaniya)*. Izdatel'skiy Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.

Jorgensen, M., Phillips, L. (2002). *Discourse Analysis as Theory and Method*. Sage Publications.

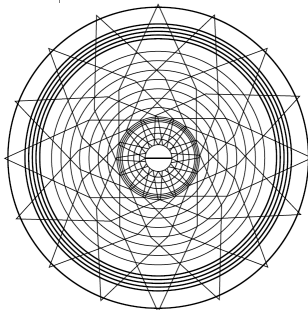
Laruelle, M. (2009). *In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia*. Palgrave Macmillan.

Lisitsyn, P. P. (2018). Ot sunnizma khanafitskogo mazhaba k salafitizmu: obshchestvennoe mnenie i opyt migrantov. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, (6), 234–250.

Litvinova, T., Litvinova, O., Zavarina, G. (2019). Two Views On The 2010 Moscow Metro Bombings: Corpus-Based Contrastive Keyword Analysis. In D. Alexandrov, A. Boukhanovsky, A. Chugunov, Y. Kabanov, O. Koltsova, I. Musabirov (Eds.), *Digital Transformation and Global Society (DTGS-2019)*, (pp. 393–404). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-37858-5_32

Madianou, M., Miller, D. (2012). *Migration and New Media: Transnational Families and Polymedia*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203154236>

Malakhov, V. S. (2014). Russia as a New Immigration Country: Policy Response and Public Debate. *Europe-Asia Studies*, 66(7), 1062–1079. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.934140>

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

*Радикализация мигрантов и экстремистский
Потенциал онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых
пространств взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России*

Mashechkin, I. V., Petrovskiy, M. I., Tsarev, D. V., Chikunov, M. N (2019). Machine Learning Methods for Detecting and Monitoring Extremist Information on the Internet. Programming and Computer Software, 45, 99–115.
<https://doi.org/10.1134/s0361768819030058>

MIA RF. (2020). Otdel'nye pokazateli migratsionnoy situatsii v Rossiyskoy Federatsii za yanvar'–dekabr' 2019 goda s raspredeleniem po regionam. <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19365693/>

Mishlanov, V. A. (2012). Zakonodatel'stvo RF ob ekstremizme i zadachi lingvisticheskoy ekspertizy tekstov. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya, 3(19), 62–69.

Petrovskiy, M., Chikunov, M. (2019). Online extremism discovering through social network structure analysis. 2019 IEEE 2nd International Conference on Information and Computer Technologies (ICICT), (pp. 243–249). Kahului, HI.
<https://doi.org/10.1109/infocit.2019.8711254>

Reeves, M. (2019). The Queue: Bureaucratic Time, Distributed Legality, and the Work of Waiting in Migrant Moscow. Suomen Antropologi, 44(2), 20–39.

Rezaev, A. V., Lisitsyn, P. P., Stepanov, A. M. (2014). Chastichnoe soprichastie kak element kollektivnogo nedovol'stva. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya, sotsiologiya, pedagogika, 12(2), 186–195.

Ruget, V., Usmanalieva, B. (2019). Can smartphones empower labour migrants? The case of Kyrgyzstani migrants in Russia. Central Asian Survey, 38, 165–180.
<https://doi.org/10.1080/02634937.2019.1594170>

Schrooten, M. (2012). Moving ethnography online: researching Brazilian migrants' online togetherness. Ethnic and Racial Studies, 35(10), 1794–1809.
<https://doi.org/10.1080/01419870.2012.659271>

Sputnik Kazakhstan. (2019, 16 January). Mecheti Kazakhstana stanut bolee bezopasnymi — novye pravila. <https://ru.sputniknews.kz/society/20190116/8885652/mecheti-kazakhstan-stroitelstvo-pravila.html>

Starodubrovskaya, I. V. (2015). Neformal'nye instituty i radikal'nye ideologii v usloviyakh institutsional'noy transformatsii. Ekonomicheskaya politika, 10(3), 68–88.

Starodubrovskaya, I. V. (2016). Sotsial'naya transformatsiya i mezhpokolencheskiy konflikt (na primere Severnogo Kavkaza). Obshchestvennye nauki i sovremennost', 6, 111–124.

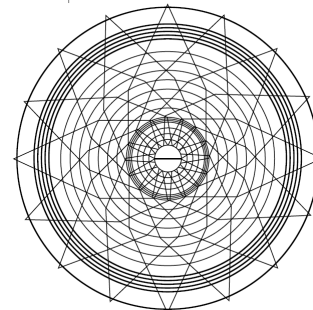
Statistika v real'nom vremeni. (2020, 1 October). Dannye o naselenii lyuboy strany. <https://countrysmeters.info/ru>

Stepanov, A. M. (2018 a). Sravnitel'nyy sotsiologicheskii analiz transnatsional'nykh praktik migrantov iz respublik byvshego SSSR v Russia i USA. Dissertatsiya na

[Научные статьи]

Трегубова Н.Д., Иванова А.А.

*Радикализация мигрантов и экстремистский потенциал
онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств
взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России*

soiskanie uchenoy stepeni kandidata nauk po spetsial'nosti 22.00.04 — Sotsial'nye struktury, sotsial'nye instituty i protsessy. Sankt-Peterburg, SPbGU.

Stepanov, A. M. (2018 b). Transnatsional'nyy podkhod v sovremennykh migratsionnykh issledovaniyakh. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya, 11(1), 116–127.

Timoshkin, D. O. (2019). Doverie vs dezorientatsiya: ekonomika russkoyazychnykh «migrantskikh» grupp v sotsial'nykh setyakh. Ekonomicheskaya sotsiologiya, 20(5), 53–73.

Tornberg, A., Tornberg, P. (2016). Muslims in social media discourse: Combining topic modeling and critical discourse analysis. Discourse, Context and Media, 13, 132–142. <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2016.04.003>

Tregubova, N. D., Nee, M. L. (2020). Beyond Nations and Nationalities: Discussing the Variety of Migrants' Identifications in Russian Social Media. Changing Societies & Personalities, 4(3), 323–349. <https://doi.org/10.15826/csp.2020.4.3.104>

United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. (2017). International Migration Report 2017: Highlights. United Nations https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migration-report/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf

United States Department of State. Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor (2018). Uzbekistan 2018 International Religious Freedom Report. <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/UZBEKISTAN-2018-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf>

Urinboyev, R. (2017). “Establishing an Uzbek mahalla” via smartphones and social media: Everyday transnational lives of Uzbek labour migrants in Russia. In M. Laruelle (Ed.), Constructing the Uzbek state: Narratives of post-Soviet years (pp. 119–148). Lexington Books.

Varshaver, E. A., Rocheva, A. L., Ivanova, N. S. (2019). Integratsiya migrantov vtorogo pokoleniya v vozraste 18–35 let v Rossii: rezul'taty issledovatel'skogo proekta. Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny, 2, 318–364.

Vasil'eva, N., Mayboroda, A., Yasaveev, I. (2017). «Pochemu ukhodyat v IGIL?»: diskurs-analiz narrativov molodykh dagestantsev. Sotsiologicheskoe obozrenie. 16(2), 54–74.